

— 15 мая 1991 г., Москва, гостиница АН

— А перед визитом к Грише я в Москву мотался на три дня (с **23 по 26 октября**) вместе с Пятси - моим предшественником на посту замдиректора ПГИ по Мурманскому отделению. Ездили в Президиум АН и в ЦПИ АН в разведку по финансовым вопросам, общались с Мигулиным, Щорсом (чиновником из Секции прикладных проблем - распределителем средств от ВПК по научным геофизическим конторам), кучей клерков в ГФЭУ, гонявших нас из одного кабинета в другой.

— И вершиной этой нашей абсурдистской беготни был поход в ЦПИ АН - вновь созданный Центр программных исследований АН, разместившийся в дремучих недрах Института космических исследований на каком-то полуэтаже, напоминающем подвал или бомбоубежище, но расположенном не внизу, а между 7-и и 8-м, кажется, этажами.

— Комнаты там разных размеров - от 10 до 50-ти квадратных метров площадью, но все практически пустые: один стол и один или два стула, и в каждой комнате по одному деятелю сидит, а занимаются они все, как я понял, тем же, что и Щорс, - делёжкой денег, выделяемых вояками на научные программы, связанные с СОИ (или с антиСОИ, или с "нашим асимметричным ответом", на который намекал Горбачёв).

— Специально для этого Центр и был создан.

— ПГИ числился среди участников этих программ и рассчитывал получить под это дело приличную (по советским масштабам - чуть ли не самую большую) ЭВМ - ЕС-1066. На неё и заявка была подана вовремя, и машинный зал специально под неё предполагалось оборудовать, за одну только перепроектировку под этот зал целого крыла нулевого этажа нового здания ПГИ пришлось 60 000 рублей отдать.

— И вот из ЦПИ позвонили и сообщили: машина есть, можете получить, только вот гоните денежку - два миллиона с чем-то там. А мы, разумеется, рассчитывали машину получить за те деньги, которые ЦПИ выделит нам на эти работы. Об этом и приехали сюда переговоры вести.

— Нам, однако, дали понять, что это дохлый номер: вас, таких участников много, а денег мало.

— Но, простите, а каким образом Вы решаете, кому и сколько давать? Где конкурсы, эксперты, обсуждения? Мы готовы отстаивать требуемые нами суммы!

— И я, действительно, готов был отстаивать и даже таскал с собой картинку наших со Смертиным результатов по моделированию ядерных взрывов в космосе.

— Но на меня посмотрели как на с Луны свалившегося:

— Какие к чёрту конкурсы? Дяде Саше Прохорову надо десять миллионов дать? Надо. Он за меньшее делать ничего не будет. А таких институтов, как у него, у нас вон сколько - куда там ПГИ вашему. Тысяч двести вам дадим, может, на следующий год, а на большее не рассчитывайте.

— А как же ЭВМ? Мы без неё ничего сделать не сможем!

— Ищите деньги в других местах.

— И весь разговор.

— **30 октября** в Мурманске минус 6 градусов. Зима. А я отправился обратно в осень: поехал в Калининград на ноябрьские праздники, приурочив к ним командировку по нашим модельным делам.

— В Калининграде было тепло не по-ноябрьски и всё ещё шли грибы - опята (ну, эти-то в порядке вещей), польские и даже белые в обсерватории, где их регулярно выковыривал Ваня Карпов.

— **8-го ноября** мы с Серёжей и Митей ездили на мотоцикле в Берёзовку на канал, пробовали на удочки что-нибудь поймать, но - абсолютно глухо. А с утра в этот день у гаража два с половиной часа упорно занимались интересным делом - качали дырявую

шину. Причём были убеждены, что камера целая, только что проверяли.

— Оказалось, что мы её сумели пропороть, монтируя резину на обод колеса. А потом грешили на насос и нипель, пока не размонтировали колесо по новой. И уж попыхтели все втроём по очереди над насосом.

— Приезжала на праздники и Ирина, так что мы всем семейством собрались. Не считая зятя, правда, который, увы, числился в нашем семействе теперь уже только номинально. Я, правда, не оставлял надежды, что всё как-нибудь ещё образуется, зять образумится, они помиряются с Ириной, но дочь моя, похоже, настраивалась на развод, хотя и не решилась ещё окончательно.

— В Ленинграде они жили теперь порознь. Ирина - в общежитии, Дима снимал где-то комнату. Чем занимался, на что существовал - неизвестно. Точнее, известно: писал стихи, пил и трепался с приятелями, жил на родительские деньги.

— Период активной ДС-овской деятельности у него, похоже, закончился. Я, кстати, не очень в эту деятельность верил, пока мне в руки не попал экземпляр ДС-овской газеты какой-то, где фамилия Д. Ужгин фигурировала в нескольких местах.

— В октябре он появлялся в Калининграде, навещал Мишу, брал его на прогулки и компостировал мозги Сашуле, что якобы его стихи уже чуть ли не напечатаны в "Континенте", ему даже о гонораре уже сообщили, 800 долларов должен получить. И вообще он собирается в Штаты, ему предлагают место стипендиата в каком-то университете, и т.д., и т.п., ...

— Я в разговорах с Сашулей и Иринкой пытался Диму защищать - какой-никакой, а отец Миши, у них контакт хороший, на что Ирина отвечала:

— А чему он научить хорошему может?

— Ну, разглагольствовать-то он умеет...

— А примером каким будет?

— Что скажешь? Но ведь сами мы все виноваты, что он таким охломоном стал, - и родители его, и Ирина, и мы с Сашулей. Ведь после школы был юноша с благими порывами, благодаря ему ведь только и Ирина в педиатрический поступила, и тянет ведь его всё к высоким материям, поэтом себя мнит...

— И Иринку ведь любит, хоть и с фокусами, по-дурачки, но не изменяет же, других не заводит.

— Мне всё казалось, что я больше всех виноват, не воспитывал его, мало общался. А тут как раз кто-то (то ли Сашуля, то ли кто-то из его родителей, Надежда Григорьевна, кажется) сказал мне, что Дима очень хотел со мной встретиться, поговорить. Правда, зная, что я сюда в Калининград собираюсь приехать на праздники, сам почему-то отсюда смылся в Ленинград.

— Может, это просто сама Надежда Григорьевна хотела, чтобы я с ним встретился, не знаю. Вспоминаю сейчас, что мы с Сашулей заходили к ним на праздники, попрощаться с Михалычем, уходящим в море, и Надежда Григорьевна пеняла мне, что я не пытаюсь семью наших детей спасти, не воздействую на Диму и Ирину.

— Я сказал ей тогда, что готов с Димой встретиться, вот хотя бы на обратном пути в Мурманск я буду полдня в Ленинграде, пусть встречает меня в аэропорту. Надежда Григорьевна сообщила ему об этом по телефону, а он позвонил мне в Калининград и странным тоном, как-то агрессивно даже спросил меня:

— Александр Андреевич, Вы хотели меня видеть?

— Мне твоя мама сказала, что ты хотел со мной поговорить.

— Да? Ну, что же. Где мы встретимся?

— У меня будет мало времени, так что приезжай прямо в аэропорт. Мы с Ириной вместе прилетаем.

— Хорошо, я приеду. Только я прошу, Александр Андреевич, чтобы Ирина при нашем разговоре не присутствовала.

— Ладно. Тем более, что и она с тобой общаться не жаждет. Я её в Сестрорецк отправлю, мы туда с ней собираемся съездить.

— Мы с Ириной летели в Ленинград утром **13 ноября**, а где-то около полуночи я должен был лететь дальше - в Мурманск, и мы планировали до моего отлёта навестить Бургвицев в Сестрорецке, ещё из Калининграда звонили им об этом, и они нас ждали, причём вместе с Любой и Андрюшкой - оказалось, Люба как раз сейчас в Ленинград приехала Андрюшку, студента своего, проведать.

— Но планам этим осуществиться не довелось. Из-за непогоды самолёт задержался с вылетом на несколько часов, которые мы с Ириной проторчали в Храброво, и в Ленинград мы попали только во второй половине дня.

— Дима, однако, нас дождался и встретил, без радостных улыбок, правда, но их от него и не ожидали. Я пожал его холодную потную ладонь и попросил ещё немного подождать, пока я позвоню в Сестрорецк и Любе.

— Тётю Тамару пришлось огорчить - приехать не сможем, не успеть туда-сюда обернуться, а у меня ещё и с зятем тут встреча намечена. Тётя Тамара очень обиделась:

— Это тебя Любка с толку сбילה, а я тут наготовила на вас на всех, ждём целый день, давайте езжайте немедленно, успеете.

— И как я ни отговаривался, ни объяснялся, тётя Тамара ничего и слушать не хотела.

— Засранцы вы все, - было её сердитое резюме.

— Я подумал - может, отправить к ним одну Ирину, но та хотела с Любой и Андрюшкой повидаться: - В Сестрорецк всегда успею съездить, - и поехала к Розе Мартыновне (Жоркиной маме) на квартиру, где Андрюшка жил. Договорились, что я туда подъеду после того, как с Димой наобщаюсь.

— И вот мы с ним доехали из аэропорта на 39-м автобусе до метро "Московская" и побрели по Московскому проспекту, где-то там присели на лавочке и сидели, пока не окоченели. Отогревались в какой-то кофейне-забегаловке, потом снова шли пешком, пока опять не замёрзли. Затем ехали на метро и троллейбусе и распрощались у дома Розы Мартыновны.

— Разговор поначалу не клеился, потом как-то пошёл. Говорил больше я, излагал всё, что о нём думаю, но в корректной, мягкой даже форме. Суть того, что я говорил ему, сводилась к следующему.

— Дима, ты мнишь себя поэтом или, во всяком случае, причастным к высоким сферам, к духовной жизни, попрекаешь Иринку, что она не разделяет твоих интересов, увлечений. И в этом находишь оправдание тому образу жизни, который ведёшь, - паразитическому, вообще-то говоря, на папины денежки. Не то, что семью - себя содержать сам не можешь. А о высоких материях горазд говорить...

— У тебя какие-то странные пробелы в воспитании, ты простых вещей, похоже, не усвоил. "Не лги", - первая заповедь, дети знают, что врать нехорошо, а ты лапшу на уши всем, кому тебя слушать не лень, вешаешь, и близким людям в первую очередь - родителям, Иринке, ...

— Про любовь с Иринкой дискутируешь, а сам вокруг себя сплошное зло одно творишь своим ближним, разве только Миша исключение, он тебе рад обычно, так часто ли он тебя видит?

— И никакой "духовной деятельностью", "творчеством" нельзя оправдать непорядочность, отступления от нравственных норм. Я тут на эту тему как раз недавно в "Юности" прочёл небольшую работу Владимира Соловьёва о Пушкине, очень понравилась она мне, в которой Соловьёв утверждает, что смерть Пушкина на дуэли была благом для него, справедливой платой за его собственное аморальное поведение в заключительной стадии истории с Дантесом.

— Она смыла с него позор, который ложился на Пушкина за то, что он захотел убить (ведь вызвал же на дуэль) другого человека и, возможно, убил бы его. Даже Пушкину -

или тем более Пушкину - не находится у Соловьёва оправданий для безнравственных поступков.

— Говорил я и о Диминой деятельности в ДС:

— Несерьёзно это, а главное, неинтеллектуально, одни битвы с милицией. Громкие лозунги против КПСС - ради Бога, но это уже не открытие новых истин, скорее - развлечение для толпы и её возбуждение. Это ли нужно?

— Да я отошёл от всего этого, - вяло возразил мне Дима.

— *16 мая 1991 г., Ту-154, Москва-Мурманск*

— Он вообще поначалу молчал и разговорился лишь в кофейне, где вдруг попросил разрешения прочитать мне стих. Свой, разумеется. Прочитал. Ну, всё в том же духе, что я от него и раньше слышал: какое-то претенциозное ритмическое бормотание, не помню уже даже и о чём, с намёками не глубокий смысл, но не для моего ума и сердца. Вот, воистину, - ни уму, ни сердцу.

— Я, однако, от критики воздержался, сославшись на то, что так, со слуха, плохо воспринимаю. Может, если бы он в письменном виде свой опус показал, тогда бы я, может, и смог бы определённо высказаться.

— Потом Дима стал жаловаться, как ему плохо, тяжело, одиноко, что ему в голову часто мысли о самоубийстве приходят, смысла жизни не видит.

— В такой жизни смысл, конечно, трудно разглядеть. Эта твоя депрессия от нездорового образа жизни. Много куришь, да и пьёшь, питаешься кое-как, наверное. Бегать надо, воздухом дышать свежим, работать, в конце концов, физически, а не дурью маяться.

— Нечего тебе здесь, в Ленинграде болтаться, езжай домой под присмотр отца-матери, устраивайся там на работу, хоть поможешь Мишу воспитывать, погуляешь с ним когда. И Ирина от тебя отдохнёт. То, что ты здесь и пристаёшь к ней с выяснениями отношений, да ещё в пьяном виде, только отталкивает её от тебя.

— Я и так уж не очень-то надеюсь, что у вас ещё сложится что-нибудь путное, уж больно много ты всего наворотил. Но хоть не усугубляй дальше. Как-никак, но у вас сын, и ты мне теперь в любом варианте родственник через внука, а потому и не безразличен.

— Я Иринке до сих пор повторяю, что я против развода. И если что-то можно спасти - надо спасать. А для этого тебе, повторяю, лучше не оставаться здесь, а в Калининград уехать.

— Да, Вы правы, Александр Андреевич, я, наверное, так и сделаю, вот только закончу тут свои дела...

— Я уж не стал уточнять, какие у него тут дела, которые закончить надо. И на прощанье Дима сказал мне:

— Александр Андреевич, я об одном только Вас попрошу - попросите Ирину, чтобы она не спешила подавать на развод.

— Это я тебе могу обещать - попрошу и даже буду вообще отговаривать, что, впрочем, я и так регулярно делаю. Но только боюсь, что поздно уже. А ты постарайся моему совету последовать - езжай в Калининград. Если нужно будет чего, звони. Вот номер моего телефона в кабинете, где я живу.

— И мы расстались у дома Розы Мартыновны вовсе даже в тёплых чувствах, с рукопожатием, совсем непохожим на состоявшееся пару часов назад в аэропорту.

— Остаток вечера до отлёта в Мурманск я провёл с Любой, Андрюшкой и Ириной за бутылкой водки, за которой Андрюшка бегал к приятелю в долг взять: Любка обещала позаботиться, да не смогла достать - дефицит!

— Андрюшка возмужал после армии, водку пил на равных, ничуть не хмелея. Поболтали о том, о сём. О Диме Ирина, естественно, говорить не захотела. Говорили о политике. Вот уж где было о чём! Что деется! Берлинская стена рушится!!!

—А через день Дима позвонил мне вечером в Мурманск и горячо благодарил за совет прочитать Соловьёва о Пушкине, он прочитал, и ему очень понравилось.

—А ещё через два дня он опять позвонил и просил написать ободряющее письмо Иринке - она, мол, грустит-тоскует, и ей очень нужна моя поддержка. Я пообещал. И написал письмо дочери, в самом деле устыдившись, что редко очень пишу ей письма, хоть она и просит.

—И больше Дима не звонил.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)